

⁴ Падалкина О.В. Демидовы и Алтай, история и современность в музейном собрании и экспозиции // Альманах Международного Демидовского Фонда. Вып. 3. М, 2003. С. 101.

⁵ Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. С. 156.

⁶ Абрамова Ю.А. 180 лет распоряжения П.К. Фролова о создании историко-технической коллекции для Барнаульского музея // Барнаульский хронограф: Календарь знаменательных и памятных дат. 2001 г. Барнаул, 2000. С. 45.

⁷ ЦХАФАК. Ф.2. Оп. 1.Д. 3601. Л. 420–421.

⁸ Корреспонденция в журнале «Отечественные записки». Любопытное письмо из Сибири // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 180.

⁹ Абрамова Ю.А. Модельный отдел Барнаульского музея (по материалам каталога 1836 года) // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Ползуновские чтения (7-е). Барнаул, Усть-Пристань, 1999. С. 114.

¹⁰ Гришаев В.Ф. Барнаульский музей в 1836 г. (Архивная находка) // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул. 1993. С. 34.

Н.С. Кузнецов (УГТУ–УПИ)

ХАРБИНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**Профессор русской словесности Степан Васильевич Кузнецов
(историко-личностный очерк)**

Многие авторы, описывающие русскую диаспору в Маньчжурии в первой половине XX в., отмечают в качестве большого достижения создание высшей школы в городе Харбине. В числе вузов был и Педагогический институт, открывшийся в 1926 г.¹ Учредителями и организаторами Педагогического института являлись: профессор С.В. Кузнецов, доцент Н.А. Шишин, юрист Д.С. Тихомиров.

Таким образом, мой отец, Степан Васильевич Кузнецов, как свидетельствует ряд источников, возглавлял эту инициативную группу и был ректором Пединститута до 1936 г., когда под давлением японских оккупационных властей в Маньчжурии вынужден был оставить свой пост. На его место был назначен профессор К.И. Зайцев.

Как отмечает в своей статье «Педагогический институт» ныне здравствующая его студентка, Татьяна Ивановна Золотарева, «студенты были возмущены таким несправедливым отношением к профессору С.В. Кузнецову и в знак протеста часть студентов, сдавших все зачеты и практические работы, ушли из института до сессии государственного экзамена»².

Настоящий очерк — это дань уважения к тем представителям русской интеллигенции, которые, оказавшись в эмиграции после тра-

гедии революции и гражданской войны, сумели сделать чрезвычайно много. Одновременно — это и дань уважения моему отцу.

Трудно говорить об отце, которого потерял в пять лет. Остались отрывочные детские воспоминания, остались воспоминания мамы. По ним можно судить, что это был незаурядный человек, человек довольно независимых взглядов. В то время, когда мы с мамой находились на станции Ялу (август 1945 г.), началась война СССР с Японией. В город Маньчжурию, где жила наша семья, вступила Красная Армия, и все бумаги, принадлежавшие отцу, вся его переписка, все его научные труды были на всякий случай брошены бабушкой в печь. Таким образом, я лишился духовного наследия своего отца.

По свидетельству моей мамы, отец имел работы в области формальной грамматики. Может быть, в каких-то заграничных фондах хранятся труды ученых Харбина? Какие-то сведения об отце в этом плане мне получить не удалось. Очень радостным фактом было то, что еще в начале 90-х гг. прошлого века нашлись люди, лично знавшие С.В. Кузнецова или учившиеся у него. Это — Людмила Осипова (Сан-Франциско), Александра Николаевна Позднякова, живущая в центре России, Алексей Андреевич Костин (Екатеринбург). Еще более приятным сюрпризом было получение оттиска статьи Т.И. Золоторевой «Педагогический институт» из книги «Маньчжурские были». На основе этих материалов, ряда документов и воспоминаний моей мамы (студентки Пединститута, ставшей женой С.В. Кузнецова) и написан этот очерк.

Большой удачей для меня было то, что я поучил формулярный список из Российского государственного архива о службе преподавателя русского языка рижской Александровской гимназии «не имевшего чина Степана Кузнецова». Первый документ был составлен 28 августа 1898 г., из которого следует, что мой отец Степан Васильевич Кузнецов по происхождению из мещан из города Оренбурга. Окончил славянское отделение Историко-филологического института имени князя Безбородко в городе Нежинске на Украине. Основанный в 1820 году, Нежинский историко-филологический институт является одним из старейших. Как следует из формулярного списка, по окончании словесного отделения Историко-филологического института мой отец был определен господином попечителем Оренбургского учебного округа на должность преподавателя русского языка пермской женской гимназии, а позже перемещен преподавателем русского языка в рижскую Александровскую гимназию. Затем начинается его преподаватель-

ско-административная деятельность. Он назначается членом испытательной комиссии Рижского учебного округа по русскому языку, через три года службы «всемилоостивейше пожалован орденом Святого Станислава III степени», 1 января 1898 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству переведен в чин надворного советника со старшинством. Уже сам факт награждения педагогов орденами и званиями говорит об их высоком общественном статусе в дореволюционной России. Преподавал в рижской Ломоносовской женской гимназии в восьмых классах методику русского языка, новейшую литературу, педагогику. Предложением господина, заведующего Рижским учебным округом от 19 ноября 1901 г., назначен преподавателем истории в Юрьевское реальное училище с возложением на него обязанностей инспектора училища. Затем назначен членом учебного ведомства в реальном училище. 18 августа 1901 г., за выслугу лет произведен в чин коллежского советника со старшинством. 1 января 1902 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству пожалован орденом Святой Анны III степени. В 1902–1904 гг. преподавал методику и дидактику русского языка в 8-м классе Юрьевской женской гимназии имени А.С. Пушкина. 7 августа 1904 г. назначен окружным инспектором Оренбургского учебного округа.

Далее начинается уже административная деятельность отца. Распоряжением господина попечителя Оренбургского учебного округа от 15 сентября 1904 г. на него были возложены обязанности председателя испытательного комитета при Управлении учебного округа. Периодически отец управлял учебным округом, замещая попечителя округа, который все время находился в поездках «по обозрению учебных заведений».

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 1 января 1906 г. за №1 всемилоостивейше пожалован орденом Святого Станислава II степени, а 29 июня 1906 г. за выслугу лет произведен в статские советники со старшинством. В 1907 г. опять управлял Оренбургским учебным округом во время во время поездки господина попечителя в Санкт-Петербург. С разрешения министра народного просвещения управлял Оренбургским учебным округом до замещения вакантной должности попечителя округа. 1 января 1911 г. был награжден орденом Святого Равноапостольского князя Владимира IV степени. Снова управлял Оренбургским учебным округом в 1911 г., за что ему была объявлена благодарность от имени попечителя Оренбургского округа за правильную и систематическую постановку внешкольного обще-

образовательного дела и развлечений для учащихся средних учебных заведений в г. Уфе и за прекрасную организацию чествования памяти М.В. Ломоносова среди учебных заведений г. Уфы.

Кончается формулярный список 1913 г. Потом были война, революция...

В 1924 г. после всех коллизий гражданской войны отец легально уехал из Советской России в г. Харбин. Вместе с тремя русскими интеллигентами основал пединститут. При пединституте была гимназия, где студенты проходили практику. Как свидетельствует информация, приведенная ниже, дело было поставлено серьезно. Моя мать, закончившая Харбинский пединститут, — это показатель деятельности отца. Один из ее учеников, Евгений Александрович Зайнитдинов, недавно написал о ней статью «Педагог милостью Божьей» (На сопках Маньчжурии. 1996 г. №28).

Немного о личной жизни. Как свидетельствуют документы, от первого брака у моего отца был сын Михаил. Жена умерла при родах, и он один воспитывал сына, и долгое время не женился. Что стало с этим сыном, с моим сводным братом, куда он пропал в период революции и гражданской войны? Мама рассказывала, что отец потерял его. В той жуткой ситуации, в которой оказалась наша страна, человек мог запросто быть расстрелян, мог погибнуть от голода, тифа во время гражданской войны или на фронтах Первой Мировой войны, тем более что в 1914 г. Михаилу было 18 лет — призывной возраст и в 1915 г. он вполне мог попасть на фронт. А дальше закрутилось кровавое «красное колесо», и в этом «красном колесе» погибали миллионы. Таким образом, отец потерял сына, вырвался из Советской России, приехал в Маньчжурию, где одновременно работал в железнодорожной школе и преподавал в Первом Харбинском начальном училище, о чем свидетельствует фонд КВЖД. По сведениям моей мамы, он работал еще и в советской школе, которая функционировала в Харбине. У нас сохранились фотографии учащихся советской школы и эмигрантских школ. Любопытно посмотреть на эти фотографии: разная одежда, разные лица, но два мира существовали вместе, причем сосуществовали мирно. Бывали, конечно, какие-то стычки, но во всяком случае людей не уничтожали. Их не сажали и не третировали классовой принадлежностью...

Детищем моего отца в Харбине был Харбинский педагогический институт, который сыграл немаловажную роль в жизни дальневосточной эмиграции.

Он возник в то время, когда остро ощущалось отсутствие высшей педагогической школы, когда было немало лиц, особенно среди молодежи, желавших получить высшее педагогическое образование, которое привлекало не только своими специальными дисциплинами, но и дисциплинами философского и историко-философского направления.

Открытие института, таким образом, явилось откликом на возрастающую потребность в такой высшей школе.

Институт открылся 21 сентября 1926 г. Его учредители и организаторы были хорошо известны как педагоги и администраторы высшей школы. Своим основанием институт особенно был обязан профессору С.В. Кузнецову, который являлся постоянным его ректором (до 1936 г.), выносившим на своих плечах и внешнюю организацию института, и организацию его учебной жизни.

Ему на долю выпало преодолевать всякого рода материальные трудности нового института.

«Получаемой стипендии от Департамента народного просвещения хватало только на оплату за помещение и жалование служащим. Таким образом, труд профессоров и лекторов оплачивался взносами студентов, а так как часть студентов была малообеспеченной, то оплата вносилась с задержками, и институт постоянно имел финансовые затруднения.

Некоторые частные лица старались помогать Институту. От И.В. Кулаева каждый год институт получал 300 иен, столько же давала Литвинова, частично платило Правление КВжд.» (Т.И. Золотарева).

Педагогический институт ставил своей целью дать школе теоретически и практически образованного педагога по предметам гуманитарным, математическим, естественноисторическим так, чтобы полученные знания облегчили педагогу работу по образованию и воспитанию молодого поколения в школе и семье.

Институт открылся в составе двух факультетов: словесно-исторического и физико-математического. Академический курс устанавливался четырехгодичный.

В течение трех лет студенты изучали дисциплины общего характера и специальные, особое внимание уделялось методикам.

На четвертом курсе преимущественное значение отводилось практической работе. В студенческую практику включалось: составление докладов и рефератов на заданные темы, преподавание определенного числа пробных уроков, работа с классом учащихся (наблече-

ние за ними, составление характеристик и обязательная постановка спектакля с классом, чтобы студент проявил себя как администратор).

Таким образом, студент применял на практике полученные знания, находясь еще в стенах института.

Осуществление практической работы значительно облегчило наличие гимназии при институте (Харбинская гимназия Педагогического института), что давало студентам возможность без помехи проводить свои практические занятия под непосредственным наблюдением профессоров и преподавателей.

Благодаря этому студенты-выпускники были хорошо подготовлены и владели новейшими методами преподавания, так как институт старался знакомиться, усваивать и проводить в жизнь новейшие направления в области педагогики.

При институте имелась собственная библиотека, небольшая по количеству книг, но весьма ценная для студентов, так как состояла преимущественно из пособий по дисциплинам, изучаемым на их факультетах, и методик. Встречались в ней и редкие книги. Студенты были вполне обеспечены пособиями. Библиотека пополнялась каждый год старанием лекторов, а главным образом профессором С.В. Кузнецовым.

Число профессоров и лекторов, принимавших участие в академической жизни института, было сравнительно большое (55 человек). Все они отличались прекрасным знанием своих предметов и добросовестным отношением к своим обязанностям. Но из них особенно хочется отметить тех, кто обладал умением красиво и интересно излагать материал и мог создать дружескую, теплую атмосферу в классе. Это проф. С.В. Кузнецов, проф. Н.И. Никифоров, проф. Г.К. Гинс, приват-доцент В.Т. Шишин, лекторы Н.И. Борзов, И.А. Пуцато, В.Н. Иванов.

Студенчество по своему составу, возрасту, развитию и подготовке было разнородным. Действительными студентами принимались лица, окончившие среднюю школу, остальные являлись вольнослушателями. Преобладали студентки.

Так как значительная часть студентов материально была малообеспеченная, то большую роль в институте играл «студенческий старостат», на долю которого выпало немало хлопот по изысканию средств для оплаты обучения неимущих студентов.

Старостат устраивал вечера, концерты, давал балы, издавал газету «К свету». Большую помощь старостату оказывал драматический кружок под руководством талантливого педагога-артиста К.А. Дроз-

дова и студенческий хор под управлением известного регента-композитора И.П. Райского.

В стенах института устраивались открытые лекции профессоров и лекторов на темы научные, философские, исторические. Проводились вечера, на которых студенты выступали с докладами, велись диспуты.

Особенное значение институт придавал празднованию Дня русской культуры. Этот день отмечался особенно торжественно. Вообще же собрания и вечера проходили в дружеской атмосфере, часто сопровождаемые чаепитием.

В существовании института можно выделить три периода: первый — с основания до советско-китайского конфликта 1929 г.; второй — с 1929 до 1936 г., когда институт подчинялся китайской администрации, и третий — с 1936 до 1937 — ликвидационный (при японцах), когда на место смещенного проф. С.В. Кузнецова был назначен проф. К.И. Зайцев.

Институт закрылся 1 января 1937 г. За время своего существования он выпустил около сотни педагогов, которые преподавали в школах Харбина и на периферии. Некоторые из окончивших институт работают при Департаменте образования в Австралии, другие — в Америке, России, государствах СНГ.

Примечания

¹ См.: Политехник: Орган объединения инженеров, закончивших Харбинский политехнический институт, издающийся в г. Сиднее (Австралия). Юбилейный выпуск. 1969–1979.

² Золотарева Т.И. Педагогический институт // Русские в Китае. 2005. №43. С. 22–24.

В.А. Липатов (УрГУ)

МЕТАЛЛУРГИЯ В ЗЕРКАЛЕ УРАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Урал с его огромными природными ресурсами уже давно привлекал внимание не только промышленников, но и поэтов, в том числе и народных. «...А в Казанской стране золото, серебро, в Астраханской стране крупен жемчуг, а в Сибирской стране честное камень, соболиный мех», — завершил свой поэтический рассказ о начале освоения в позднем Средневековье восточных окраин Московской Руси безымянный создатель заговора «На отыскание кладов»¹.